

В. Ю. Калугин

Арбитражный суд Уральского округа
(Екатеринбург)

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК В БАНКРОТСТВЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ТЕОРИЙ КОНКУРСНОГО ОСПАРИВАНИЯ

Статья посвящена вопросам оспаривания сделок в делах о банкротстве, теориям конкурсного оспаривания, защите добросовестных участников гражданского оборота от необоснованных требований о недействительности совершенных ими сделок. Оценивается результативность процедур банкротства в целом и рассмотрения заявлений об оспаривании сделок в частности. Отмечен рост общих показателей результативности процедур, применяемых в делах о банкротстве, на протяжении последнего десятилетия. При этом качество анализа сделок, совершенных должниками в преддверии банкротства, стабильно низко. Это влечет за собой сравнительно низкий процент удовлетворения заявлений о недействительности сделок, рассмотренных в делах о банкротстве.

Проблематика недействительности сделок изучена с точки зрения различных теорий конкурсного оспаривания. С учетом имеющихся в российском праве субъективистских тенденций сделан вывод о том, что в правоприменительной практике доминируют деликтная и квазиделиктная теории конкурсного оспаривания, предполагающие учет субъективной составляющей при разрешении споров о недействительности сделок в банкротстве. Даны практические рекомендации о проведении анализа подозрительных сделок в ходе процедур банкротства, чтобы повысить эффективность конкурсного оспаривания. При подготовке статьи использовались труды дореволюционных и современных российских ученых, а также работы зарубежных авторов, специализирующихся в банкротной проблематике.

Ключевые слова: банкротство, конкурсное оспаривание, теории конкурсного оспаривания, недействительность сделок, защита от конкурсного оспаривания

Для цитирования

Калугин В. Ю. Оспаривание сделок в банкротстве в контексте различных теорий конкурсного оспаривания // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 45–53. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-139-1-45-53.

УДК 347.736

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-139-1-45-53

Наблюдая на протяжении многих лет за развитием законодательства о банкротстве, практике его применения и результатами проведения процедур, применяемых в делах о банкротстве, автор, имеющий непосредственное отношение к этим процессам, сформировал общее впечатление о том, что правовое регулирование в сфере банкротства в России медленно, но неуклонно улучшается. Уже достаточно редко банкротство становится ординарным и результативным способом «бросить» проблемное юридическое лицо, открыто переведя активы в другие организа-

ции и оставив своих кредиторов ни с чем. Все реже суды имеют дело с полным отсутствием активов у вчера еще успешных юридических лиц, все чаще после проведения процедур банкротства требования кредиторов хоть и частично, но все же погашаются. Осталось в прошлом ощущение полной вседозволенности и безнаказанности, доминировавшее еще десятилетие назад. Сегодня об этом говорят в профессиональном сообществе и подтверждают это статистикой.

Анализируя результаты процедур банкротства за последние годы, нетрудно заметить, что количество дел, в которых кредиторы

не получили удовлетворения своих требований (получили «0»), уменьшилось с 68,6 % в 2015 г. до 54,7 % в 2023 г.¹ При этом практически не изменился процент дел, в которых в результате инвентаризации не было обнаружено активов (снижение с 41,1 % до 38,5 % за тот же период). Это означает, что активы у должников все чаще появляются в результате эффективного проведения процедур, применяемых в делах о банкротстве.

Общий размер удовлетворения требований кредиторов с 2015 по 2023 г. увеличился с 6,2 % до 9,7 %, а тот же показатель применительно к кредиторам, чьи требования не обеспечены залогом, составил в 2023 г. 7,7 %, что в сравнении с показателями предыдущих лет (2,4 % в 2019, 2,3 % в 2020 г., 1,7 % в 2021 г.) кажется прорывом. Прогресс, хоть не такой значительный, наблюдается и в делах о банкротстве граждан.

Конкурсное оспаривание остается востребованным и эффективным механизмом защиты прав кредиторов несостоятельных должников

Конечно, 7,7 % удовлетворения требований незалоговых кредиторов не повод для гордости и почивания на лаврах. Вместе с тем есть повод смотреть на ситуацию с осторожным оптимизмом.

В то же время в структуре процедур, применяемых в делах о банкротстве, существенных изменений не наблюдается. По-прежнему доминирующее положение занимают ликвидационные процедуры – конкурсное производство у юридических лиц, реализация имущества у граждан. На 7400 решений о признании банкротом юридических лиц вынесено только девять определений о введении финансового оздоровления и 88 – о введении внешнего управления. На 350 788 решений о признании граждан банкротами приходится только 675 утвержденных планов реструктуризации долгов.

Видится, что основной причиной улучшения результативности процедур банкротства

---

¹ Банкротство в России: статистические показатели за 2023 год // URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cce>.

является не применение эффективных практик восстановления платежеспособности, а наступление последствий, в первую очередь в результате оспаривания сделок и привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Для граждан функцию привлечения к ответственности выполняет отказ от освобождения их от дальнейшего исполнения обязательств.

В этой статье предлагается обсудить общие вопросы оспаривания сделок в банкротстве.

Конкурсное оспаривание остается востребованным и эффективным механизмом защиты прав кредиторов несостоятельных должников. Эффект от него проявляется как напрямую – в виде возврата имущества, отчужденного в результате недобросовестных сделок, так и косвенно, превентивно, в виде стимулирования участников гражданского оборота отказаться от заключения недобросовестных сделок под страхом будущего оспаривания.

Вместе с тем статистика рассмотрения арбитражными судами заявлений об оспаривании сделок в делах о банкротстве не свидетельствует о какой-либо качественной динамике. Процент удовлетворения заявлений о конкурсном оспаривании из года в год существенно не меняется и остается на уровне 40 %. Следовательно, более 60 % заявлений об оспаривании сделок, рассматриваемых арбитражными судами в делах о банкротстве, необоснованны. Это явно свидетельствует о традиционно невысоком качестве проведения арбитражными управляющими (а именно они в большинстве случаев являются инициаторами таких споров) анализа подозрительных сделок.

До недавнего времени поверхностный подход арбитражных управляющих к анализу объяснялся невысокими рисками проиграть спор о недействительности сделки. В худшем случае конкурсная масса лишалась уплаченной по делу госпошлины в сумме 6000 руб. Риск возмещения судебных расходов, понесенных ответчиком, нивелировался положениями п. 18 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», согласно которым эти расходы погашались

в режиме уплаты штрафных санкций третьей очереди реестра – т. е. практически никогда. Понесенные ответчиком судебные расходы фактически не компенсировались за счет конкурсной массы. При такой лояльной практике возмещения судебных расходов сформировался подход, который можно охарактеризовать так: «Оспариваю все, что вижу».

В последнее время позиции судов по поводу возмещения судебных расходов изменились.

Поскольку процессуально вопросы конкурсного оспаривания рассматриваются в делах о банкротстве в рамках обособленных споров о недействительности сделок, а обособленный спор в деле о банкротстве представляет собой отдельное дело, требующее разрешения судом спора о праве [Подольский 2018: 60], то и разрешение вопроса о распределении судебных расходов должно отвечать общим подходам.

Согласно актуальной практике Арбитражного суда Уральского округа, поддержанной Верховным Судом Российской Федерации, судебные расходы, взыскиваемые с ответчиков по обособленным спорам, которые не являются одновременно лицами, участвующими в деле о банкротстве (а именно к такому, как правило, относятся ответчики по искам о конкурсном оспаривании), погашаются за счет конкурсной массы в режиме текущих платежей¹. Новый подход судов к взысканию судебных расходов должен коренным образом изменить качество подготовки исков о конкурсном оспаривании: в противном случае судебные расходы, связанные с рассмотрением проигранных дел, будут возмещаться в преимущественном порядке из конкурсной массы, что чревато исками о взыскании убытков уже с арбитражных управляющих.

Попробуем разобраться, в чем причина низкого процента удовлетворения исков о конкурсном оспаривании.

Частично проблема объясняется ошибочным представлением о том, что конкурсное оспаривание является универсальным инструментом для разрешения всех проблемных вопросов, возникших в ходе процедур банкротства. Не следует, однако, забывать:

¹ Постановления Арбитражного суда Уральского округа от 24 ноября 2023 г. № Ф09-6379/20, от 28 ноября 2023 г. № Ф09-1325/22; определение Верховного Суда РФ от 9 февраля 2024 г. № 309-ЭС22-10004(2).

когда право структурирует те или иные гражданские права и их содержание, оно неминуемо сталкивается с проблемой выбора оптимальной модели их защиты в случае нарушения [Карапетов 2016: 292].

Требования о недействительности сделок заявляются в случаях, когда на самом деле имеют место неосновательное обогащение, убытки; иногда подобные иски заявляются со скрываемой от суда целью получить «нужные» выводы для разрешения другого спора. Объясняется это тем, что арбитражным управляющим удобно, когда спор рассматривает один суд, рассматривающий дело о банкротстве, а также низким размером госпошлины и приведенной выше лояльной практикой распределения судебных расходов. Все это расценивается процессуалистами как злоупотребление процессуальными правами [Юдин 2009: 88], но продолжает встречаться в правоприменительной практике.

Вместе с тем, думается, есть и другая, более глубокая причина описанного явления. Несмотря на наличие достаточно ясного законодательного регулирования правоотношений, связанных с конкурсным оспариванием, несмотря на наличие обширной правоприменительной практики, изобилующей самыми разными примерами и подходами, в российском праве не сформировалось общей и признаваемой всеми доктрины конкурсного оспаривания. В ее отсутствие нет ответа на, казалось бы, простой вопрос: почему мы оспариваем сделки в банкротстве? Не «зачем», а именно «почему», «по какой причине».

Этим вопросом задавались многие теоретики конкурсного права. Для ответа на него предлагались различные теории конкурсного оспаривания. Попробуем разобраться в основных из них.

1. Деликтная теория. Согласно ей право опровержения действий должника определяется наличием деликта со стороны контрагента по сделке [Шершеневич 1898: 263]. Недействительная сделка в контексте этой теории рассматривается как совершенное должником правонарушение [Соколова 2006: 14]. Отвечая на поставленный выше вопрос, деликтная теория говорит: мы оспариваем сделку, поскольку ее стороны совершили правонарушение, причинили вред другим лицам. Оспаривая сделку, мы боремся

с последствиями правонарушения, а результат успешного оспаривания – разновидность ответственности за совершение этого правонарушения. Следовательно, чтобы защититься от такого оспаривания, ответчику необходимо доказать отсутствие в своих действиях признаков правонарушения.

2. Квазиделиктная теория. Появилась в германской юридической науке, предполагает наличие оснований для оспаривания: во-первых, наличие деликта (в этом она совпадает в предыдущей теорией), во-вторых, совершение действий, формально не являющихся деликтом, но в условиях неплатежеспособности приводящих к причинению вреда [Шершеневич 1898: 263]. Раскритикованная Г. Ф. Шершеневичем за недостаточную ясность и определенность, эта теория предлагает оспаривать сделку в связи с тем, что ее стороны хотя и не совершали правонарушения, но сознавали, что выходят за рамки обычной сделки и в условиях неплатежеспособности могут причинить вред другим лицам. Защищаясь от оспаривания сделки в рамках данной теории, ответчик должен доказывать отсутствие факта причинения вреда, а также отсутствие у оспариваемой сделки отличий от других аналогичных сделок, совершаемых в подобных условиях. Деликтную и квазиделиктную теорию объединяет главная идея: сделка оспаривается вследствие того, что в самой сделке заложен порок.

3. Легальная теория. Доминировала на рубеже XIX–XX вв., в ее основе – принцип объективного вменения. Сделка должна быть признана недействительной просто в силу указания закона. Справедливый закон предусматривает, какие сделки следует признавать недействительными в случае банкротства одной из их сторон. Вне зависимости от истинных намерений сторон сделки сам факт ее совершения в тех обстоятельствах, которые указаны в законе, является достаточным и неизбежным основанием для признания ее недействительной. Для защиты от оспаривания сделки в понимании легальной теории ответчик должен опровергать наличие юридического состава недействительности сделки. В отличие от предыдущих, легальная теория не предполагает обязательного наличия порока в сделке. Сделка оспаривается, потому что ей не повезло быть совершенной в ненужное время в ненужном месте.

4. Теория исполнительной силы. Предполагает юридическую фикцию принадлежности должнику имущества, ранее отчужденного в пользу других лиц [Гольмстен 2019: 264]. В понимании этой теории иск об оспаривании сделки фактически представляет собой требование о совершении исполнительных действий по поиску и возврату отчужденных активов должника. С учетом предопределенности вывода о принадлежности отчужденного имущества должнику единственным способом защиты от конкурсного оспаривания в таком контексте является сокрытие имущества от должника, т. е. совершение самостоятельного деликта. Эту теорию можно назвать крайним вариантом легальной теории, она предполагает даже не оспаривание, а тотальное изъятие всего, что было отчуждено должником в преддверии банкротства, вне зависимости от причин отчуждения.

5. Кондикционная теория. Предусматривает в качестве основания для конкурсного оспаривания наличие неосновательного обогащения на стороне ответчика. Для защиты от оспаривания необходимо опровергнуть факт обогащения. Сделка оспаривается из-за того, что в результате ее совершения ответчик неосновательно обогатился за счет средств, которые могли бы пойти на удовлетворение требований кредиторов.

6. Гарантирующая теория. Подразумевает, что кредитор, давая должнику заем, разумно полагается на определенное имущество, из которого могут быть удовлетворены его требования (так называемый гарантирующий имущественный фонд). В случае если должник намеренно совершает сделку, направленную на причинение кредитору вреда, предполагается, что кредитор тем не менее может удовлетворить свое требование из этого имущественного фонда, как если бы он был в собственности должника [Коциоль 2017]. Таким образом, сделка в данной теории оспаривается постольку, поскольку в результате нее отчужден актив, на который мог изначально претендовать кредитор в целях обращения взыскания. Соответственно, для защиты от оспаривания следует доказать, что в момент совершения сделки по отчуждению актива такой кредитор еще не вступил в отношения с должником, т. е. в момент, когда он стал кредитором, он уже не мог претендовать на отчужденное по сделке имущество.

Очевидно, что ни одна из представленных теорий не может дать исчерпывающего ответа, объясняющего сущность конкурсного оспаривания. Среди перечисленных есть теории, которые кажутся совершенно неприемлемыми в сегодняшних реалиях.

Например, теория исполнительной силы слишком радикальна, чтобы на ее основе построить современное учение о конкурсном оспаривании. Несмотря на правоприменительные трудности, законодательство о банкротстве нацеливает нас на проведение реабилитационных, а в некоторых случаях – профилактических процедур, санации в целях недопущения банкротства. Такие процедуры зачастую предполагают привлечение сторонних инвестиций, заключение сделок для выхода из кризиса. В подобной ситуации наличие стопроцентной вероятности конкурсного оспаривания всех сделок в случае неудачи проведенных реабилитационных или санационных процедур отпугнет любого потенциального инвестора и сделает восстановление платежеспособности невозможным.

Кондиционная и гарантирующая теории, объясняя причины оспаривания неравноценных сделок и сделок, причиняющих вред, не дают ответа на вопрос о причинах оспаривания сделок с предпочтением: ведь при их совершении ответчик не обогащается, он лишь получает свое. При этом ответчик по сделке является таким же кредитором, как и остальные, не получившие удовлетворения. Гарантирующая теория не позволяет понять, каким образом следует выбирать надлежащего претендента на получение «гарантии».

Более универсальны деликтная или квазиделиктная теории, объясняющие сущность конкурсного оспаривания с точки зрения поведения лиц, совершивших оспариваемую сделку, их субъективного отношения к ней и ее возможным последствиям. Легальная теория также охватывает весь спектр правоотношений, возникающих при конкурсном оспаривании, объясняя его с позиции объективного вменения.

Казалось бы, российский законодатель разделит основания конкурсного оспаривания не только по юридическим составам (неравноценные сделки, предусмотренные ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве),

и сделки с предпочтением, перечисленные в ст. 61.3 данного Закона), но и с точки зрения применяемых к ним теорий конкурсного оспаривания. Так, диспозиции ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве разделяют юридические составы недействительности сделок. Предусмотрены простые составы, для которых достаточно самого факта совершения сделки определенного вида в определенный Законом период подозрительности (п. 1 ст. 61.2 и п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве). Кроме того, имеются квалифицированные составы, предполагающие наличие субъективной составляющей – осведомленности контрагентов по сделке о наличии у одной из ее сторон признаков несостоятельности и намерения либо причинить такой сделкой вред имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве), либо получить неоправданное преимущество перед другими кредиторами (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве). Напрашивается вывод о том, что к простым составам недействительности сделок применима легальная теория конкурсного оспаривания, а к квалифицированным – деликтная.

Вместе с тем судебная практика внесла в правовое регулирование свои коррективы.

В отношении квалифицированных составов недействительности сделок серьезных сомнений не возникает: для успешного оспаривания сделок необходимо наличие одновременно объективной и субъективной составляющей. Дискуссия здесь может идти только по вопросу о качестве знания ответчика о неплатежеспособности должника: достаточно ли только предположения о возможной несостоятельности (как в Германии), либо требуется достоверное знание указанных обстоятельств (характерно для Франции) [Колиниченко 2002: 72]?

В п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве ясно сформулирован юридический состав недействительности сделки: сделка недействительна, если она совершена в течение одного года до даты возбуждения дела о банкротстве и ее условия не соответствуют рыночным. Из содержания приведенной нормы следует, что для успешного оспаривания сделки по названному основанию достаточно единственного объективного критерия – факта несоответствия сделки рыночным условиям. Нет необходимости доказывать осведомленность сторон сделки о таком несоответствии,

а равно об иных обстоятельствах, образующих субъективную сторону юридического состава [Караев 2010: 64]. В то же время применение этой формулировки в юридической практике сразу вызывает вопросы. Насколько сделка должна не соответствовать рыночным условиям? Есть ли какая-то грань такого несоответствия? Должен ли независимый покупатель вещи отказываться от ее приобретения, если она предлагается по низкой цене?

Очевидно, странно будет выглядеть покупатель вещи, обнаруживший предложение о ее продаже на популярном сайте объявлений по привлекательной цене, если он, желая ее приобрести, станет не торговаться, а, напротив, требовать повышения цены до рыночного, по его мнению, уровня. «Я не стану покупать ваш автомобиль за 1 млн рублей, поскольку по моим оценкам он стоит 1,5 млн рублей. Требую увеличения цены, чтобы потом сделка не была оспорена!» Именно так, по логике законодателя, должен вести себя ответственный покупатель, желающий обезопасить себя от последующего конкурсного оспаривания сделки. Более того, нет никакой гарантии, что цена, которая в момент покупки кажется соответствующей рыночным условиям, в момент рассмотрения спора о недействительности сделки окажется таковой в глазах эксперта.

Это явное несоответствие буквального содержания закона обычному обороту вещей породило противоречивую судебную практику. Точку в спорах о порядке применения п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве поставил Верховный Суд РФ в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 15 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-8671(2). Суд указал, что, помимо цены, для определения признака неравноценности сделки во внимание должны приниматься все обстоятельства ее совершения, т. е. суд должен исследовать контекст отношений должника с контрагентом, чтобы вывод о подозрительности являлся вполне убедительным и обоснованным.

После этого практика оспаривания сделок с неравноценным встречным предоставлением была существенно скорректирована. Для признания такой сделки недействительной теперь недостаточно установить факт объективного несоответствия цены сделки рыночным условиям. Требуется установить, что стороны сделки, исходя из контекста взаимоотноше-

ний между ними, сознавали, что совершают сделку на нерыночных условиях. Такая формулировка характерна не для легальной, а для квазиделиктной теории: сделка оспаривается, поскольку ее стороны совершили «квазиделикт» – деяние, не являющееся правонарушением, но предполагающее возможность причинения вреда и отклоняющееся от нормы поведения сторон, обычно совершающих подобные сделки.

Преференциальные сделки, совершенные в минимальный период подозрительности (п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве), фактически остаются единственным примером действия легальной теории конкурсного оспаривания. Действительно, в основе оспаривания таких сделок лежит не идея борьбы со злоупотреблениями и (или) возмещения причиненного вреда, а идея уравнивания всех кредиторов, создания таких условий, чтобы все страдали одинаково. Но и в удовлетворении заявлений об оспаривании таких сделок суды все чаще отказывают со ссылкой на совершение сделок в процессе обычной хозяйственной деятельности (п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве), а в предмет доказывания включают вопросы добросовестности контрагентов¹. Таким образом, практика применения п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве тоже склоняется к поиску субъективной составляющей: сделка признается недействительной, если ее стороны сознавали, что она выходит за рамки обычной деятельности ее контрагентов, ее условия отличаются от стандартных. Здесь вновь можно вести речь о «квазиделикте».

Приведенные рассуждения показывают, что, несмотря на буквальное содержание соответствующих статей Закона о банкротстве, в сегодняшней практике применения законодательства о конкурсном оспаривании доминирующей является деликтная или квазиделиктная теория оспаривания, предполагающая приоритет субъективной составляющей над объективными факторами. Остается лишь согласиться с выводами Б. М. Гонгалло о том, что современное российское право склоняется к субъективизму [Гонгалло 2015: 42–46].

Возвращаясь к вопросам о качестве анализа сделок, необходимо отметить следую-

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 6 февраля 2024 г. № Ф09-9940/23 по делу № А60-14057/2022; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 января 2016 г. № 310-ЭС15-12396 по делу № А09-1924/2013.

щее. В подавляющем большинстве заявлений об оспаривании сделок, поступающих в арбитражные суды в рамках рассмотрения дел о банкротстве, не анализируются фактические причины их оспаривания. Доводы в заявлениях обычно сводятся к изложению фактов и подробному освещению нормативной базы, регламентирующей конкурсное оспаривание. Вместе с тем в контексте изложенного выше действительно важными являются другие аспекты.

С учетом доминирования субъективистских подходов, реализованных в деликтной и квазиделиктной теориях конкурсного оспаривания, для успешного оспаривания сделок в банкротстве недостаточно указать сам факт совершения сделки, совершенной в один из периодов подозрительности. Необходимо выявить, в чем заключается порок оспариваемой сделки, в чем ее отличие от других аналогичных сделок, обычно совершаемых в схожих обстоятельствах. Вне зависимости от оснований конкурсного оспаривания, нужно исследовать субъективную составляющую сделки.

Для квалифицированных составов недействительности сделок признаки субъективной составляющей прямо предусмотрены законом: речь идет об осведомленности сторон сделки о наличии у одной из них признаков неплатежеспособности. Для простых составов, диспозиции которых формально не содержат субъективных признаков, следует приводить доводы и доказательства осведомленности сторон о тех пороках сделки, которые положены в основу ее оспаривания.

Соблюдение этих несложных правил, во-первых, позволит в начале анализа деятельности должника исключать из числа подозрительных сделок такие сделки должника, которые не отягощены пороками, предполагающими возможность их конкурсного оспаривания, во-вторых, повысит качество заявляемых требований об оспаривании тех сделок, которые надлежит признавать недействительными. Все это должно повысить эффективность конкурсного оспаривания и снизить риски заявления необоснованных требований.

Список литературы

Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. М.: Издание книг.ком, 2019. 264 с.

Гонгало Б. М. Объективное и субъективное в правовой доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 42–48.

Караев К. Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве. М.: Волтерс Клувер, 2010. 198 с.

Каранетов А. Г. Экономический анализ права: моногр. М.: Статут, 2016. 528 с.

Колениченко Е. А. Защита интересов неплатежеспособного должника при банкротстве: сравнительно-правовой анализ. М.: Статут, 2002. 208 с.

Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 1. № 3. С. 205–294.

Подольский Ю. Д. Обособленные споры в делах о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 213 с.

Соколова Н. В. Недействительные сделки в процедурах несостоятельности (банкротства): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 26 с.

Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. 498 с.

Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. 537 с.

Владимир Юрьевич Калугин – судья Арбитражного суда Уральского округа. 620000, Российская Федерация, Екатеринбург, пр-т Ленина, стр. 32. E-mail: kalugin2006@yandex.ru.

Contesting Transactions in the Context of Various Competitive Contesting Theories

The article is devoted to the issues of contesting transactions in bankruptcy cases, theories of competitive contesting, protection of bona fide participants in civil transactions from unreasonable claims of invalidity of transactions they have made. The author examines the effectiveness of bankruptcy procedures in general and consideration of applications for challenging transactions in particular. There has been an increase in the overall performance of the procedures used in bankruptcy cases over the past decade. At the same time, the quality of analysis of transactions made by debtors on the eve of bankruptcy remains consistently low, which entails a relatively low percentage of satisfaction of applications for invalidity of transactions considered in bankruptcy cases.

The problems of invalidity of transactions have been studied from the point of view of various theories of competitive contestation. Taking into account the subjectivist tendencies in Russian law, the author concludes, that tort and quazi-tort theories dominate in law enforcement practice. Practical recommendations are given on analyzing suspicious transactions conducted during bankruptcy procedures in order to increase the effectiveness of competitive challenging. In preparing the article, the works of pre-revolutionary and modern Russian scientists, as well as the works of foreign authors specializing in bankruptcy issues, were used.

Keywords: *bankruptcy, contesting transactions, contesting theories, protection of contesting transactions*

Recommended citation

Kalugin V. Yu. *Osparivanie sdelok v bankrotstve v kontekste razlichnykh teorii konkursnogo osparivaniya [Contesting Transactions in the Context of Various Competitive Contesting Theories]*, *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 1, pp. 45–53, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-139-1-45-53.

References

Gol'msten A. Kh. *Uchenie o prave kreditora oprovergat' yuridicheskie akty, sovershennye dolzchnikom v ego ushcherb, v sovremennoi yuridicheskoi literature [The Doctrine of the Creditor's Right to Refute Legal Acts Committed by the Debtor to His Detriment, in Modern Legal Literature]*, Moscow, Izdanie knig.kom, 2019, 264 p.

Gongalo B. M. *Ob"ektivnoe i sub"ektivnoe v pravovoi doktrine [Objective and Subjective in the Legal Doctrine]*, *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2015, no. 4, pp. 42–48.

Karaev K. B. *Pravovoi status konkursnykh kreditorov v dele o bankrotstve [The Legal Status of Bankruptcy Creditors in a Bankruptcy Case]*, Moscow, Volters Kluver, 2010, 198 p.

Karapetov A. G. *Ekonomicheskii analiz prava [Economic Analysis of Law]*, Moscow, Statut, 2016, 528 p.

Kolinichenko E. A. *Zashchita interesov neplatezhesposobnogo dolzhnika pri bankrotstve: sravnitel'no-pravovoi analiz [Protection of the Interests of an Insolvent Debtor in Bankruptcy: Comparative Legal Analysis]*, Moscow, Statut, 2002, 208 p.

Kotsiol' Kh. *Osnovy i spornye voprosy osparivaniya deistvii dolzhnika, sovershennykh vo vred ego kreditoram (nachalo) [Fundamentals and Controversial Issues of Challenging the Actions of the Debtor Committed to the Detriment of His Creditors (Beginning)]*, *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 205–294.

Podol'skii Yu. D. *Obosoblennye spory v delakh o bankrotstve [Isolated Disputes in Bankruptcy Cases]*: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2018, 213 p.

Shershenevich G. F. *Konkursnoe pravo [Competition Law]*, Kazan', Tip. Imp. un-ta, 1898, 498 p.

Sokolova N. V. *Nedeistvitel'nye sdelki v protsedurakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva) [Invalid Transactions in Insolvency (Bankruptcy) Procedures]*: autoabstr. of cand. jur. sc. Thesis, Volgograd, 2006, 26 p.

Yudin A. V. *Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings]: doct. jur. sc. thesis, Saint Petersburg, 2009, 537 p.

Vladimir Kalugin – judge of the Commercial Court of the Ural district. 620000, Russian Federation, Ekaterinburg, Lenin ave., 32. E-mail: kalugin2006@yandex.ru.

Дата поступления в редакцию / Received: 14.02.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.03.2024